

Александр РЫБИН

# НЕНУЖНАЯ НЕЗАВИСИМОСТЬ

## ПЕРЕМИРИЕ БЕЗ КОНЦА И КРАЯ (НАГОРНЫЙ КАРАБАХ)

Ботинки у меня были новые и дорогушие — хотя это не главное. Главное, что они были очень модные. Поэтому я действительно беспокоился, чтобы их не запачкать — ведь с майором Араратом и капитаном Гегамом мы ехали на передовую. Нашу «ниву» потряхивало на разбитой дороге. Слева на склоне зелено-коричневого лысого холма лежал изувеченный попаданиями и ржавчиной корпус БМП-1. «Тут наш полигон, — пояснил майор Арарат, — тренируемся в непосредственной близости от передовой. В незначительном отрыве от производства, так сказать».

В Нагорный Карабах, на территорию никем не признанной Нагорно-Карабахской Республики я въехал за два дня до этого. Конец марта — весна здесь только-только начиналась. На вершинах гор продолжало снегопадать. В долинах и ущельях снег стоял совсем недавно. Прорбилась сочно-зеленая трава, распускались первые, оттого крохотные, цветы. Земля выдыхала сырые запахи новой жизни.

Попутка, на которой я ехал из Армении, из утопленного в сугробах городка Горис высадила меня в Шуше. Шуша, Шуши — даже названия этого города у карабахских армян и их врагов азербайджанцев разные. Когда-то он был процветающим и очень даже жизнерадостным, был административной и культурной столицей Нагорного Карабаха. На русских картах его называли на азербайджанский манер — Шуша. С 1805 года город входил в состав Российской империи. Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона приводил такие данные по этническому составу населения Шуши за 1883 год. Всего жителей — 25 656 человек «обоих полов». Из них 56,5 % «азербайджанских татар» и 43,2 % армян, остальные — русские и евреи. Важна даже не доля азербайджанцев и армян среди жителей города, важно то, что они жили вместе — вполне мирно и по-соседски.

В мае 1918 года азербайджанские националисты-мусаватисты объявили о создании Азербайджанской демократической республики. Руководство новой республики заявило, что она включает в себя в том числе территорию Нагорного Карабаха. Но карабахские армяне не согласились. 22 июля того же года местные армяне, собравшись на съезде в Шуше, первый раз провозгласили независимость Нагорного

---

Александр Сергеевич Рыбин родился в 1983 году в г. Кимры Калининской области. Окончил филологический факультет Тверского университета. Работает фриланс-журналистом. Первая публикация — в журнале «День и ночь» в 2008 году. Лонг-листер премии «Неформат», Бунинской премии и премии имени В. П. Астафьева (2008). В 2012 году вошел в лонг-лист премии «Дебют» с повестью «Современный кочевник». До отъезда в ЛНР жил во Владивостоке. Публиковался в различных литературных изданиях.

Карабах. Однако уже в сентябре город заняли объединенные азербайджано-турецкие войска. В марте 1920-го армяне попытались устроить вооруженное восстание в Шуше и двух других карабахских городах — Аскеране и Ханкенди. Азербайджанские солдаты оборонялись целую ночь, а утром перешли в наступление. В Шуше произошел погром армянского населения — в нем приняли участие, кроме азербайджанцев военных, азербайджанцы из числа гражданских. Из города и окрестных сел бежали около 25 тысяч армян. Подошедшая 11-я Красная армия разгромила националистические движения как азербайджанцев, так и армян. В советское время националистические поползновения жестко подавлялись. Но с началом перестройки центральная власть ослабила хватку. Снова армяно-азербайджанский конфликт в Закавказье вспыхнул незадолго до развала Советского Союза, в 1987-м — эпидемия различных национализмов снова гуляла по стране. В 1991 году карабахские армяне объявили о создании Нагорно-Карабахской республики — это произошло 2 сентября (на три недели раньше провозглашения независимости Армении и на полтора месяца раньше провозглашения независимого Азербайджана). Столицей новой республики стал Степанакерт (бывший Ханкенди).

Населенная преимущественно азербайджанцами Шуша оказалась в осаде армянских вооруженных формирований. Зимой 1991–1992 годов установки «град» и «алазань» долбили оттуда по Степанакерту. В начале мая 1992-го армяне провели дерзкий штурм Шуши («Когда азербайджанский министр обороны узнал, что наши подобралась к городу по неприступному склону, он заплакал», — рассказывал по дороге к передовой майор Арапат). По ходу боя были разрушены многие дома и здания в городе. Когда я приехал в Шушу, казалось, что штурм был буквально вчера, в крайнем случае несколько дней назад — лишь пожарища успели остыть.

Асфальтирована в городе только одна улица — центральная. Выпавший два дня назад снег кое-где подтаял. На дорогах скользкая липкая грязь. Дома без крыш, без окон, без дверей, с проломами в стенах. Особенно сильно пострадали в 1992-м дома в старой части города — именно там были азербайджанские кварталы. Через ржавые остовы легковых автомобилей проросли деревца. Заросшие травой и кустарниками узкие улочки «старого города» — но они были живописны, присыпанные сказочно белым снегом. Зброшенные, частью руинированные панельные пятиэтажки «хрущевки» — черные вытянутые следы то ли военной, то ли послевоенной копоты. Редкие звуки гулко разносились по пустым улицам.

До войны в Шуше насчитывалось порядка 20 тысяч жителей. В настоящее время — не более 4 тысяч, официально. На глаз — гораздо меньше 4 тысяч. Проблемы со светом, с отоплением (на балконах некоторых «хрущевок» поленницы дров!). Даже с магазинами проблема — пока гулял, я увидел всего два магазина. Обитают в городе беженцы-армяне из Азербайджана и других районов Нагорного Карабаха. В центре города — напротив знаменитой Верхней мечети — я встретил подростка. Разговорились. Выяснилось, что он родом из Тюмени, приехал с отцом «поторговать картохой». Указывая на ветхий киоск из фанеры и старых досок, он рассказал про «бабушку Нину», которая днем в этом киоске торгует хлебом собственной выпечки. «Бабушка Нина» переехала в Шушу три недели назад из Мартунинского района, потому что возле ее села «слишком близко стали летать снаряды».

Выслушав истории пацана, я пошел осматривать Верхнюю мечеть. Ее строили больше ста лет — с 1768-го по 1885-й. Что бы там ни говорили армяне, но это один из самых известных архитектурных объектов Карабаха. А известной мечеть стала благодаря русскому художнику Василию Верещагину. Верещагин провел два месяца в городе. Рисовал быт местных жителей. Среди лучших его работ — рисунок Верхней мечети.

По ходу боевых действий у обоих минаретов сбили маковки — те самые огороженные площадки с крышами, с которых муэдзин должен распевать азан. Они походили на обычные трубы котельных с геометрическими узорами. Перед входом покосившийся фонтан — его тоже рисовал Верещагин, — замшелые светло-серые камни. На фронте надпись из длинных червячков арабской вязи. Попасть внутрь невозможно: входы наглухо закрыты металлическими решетками. Возле мечети, у боковой стены старинные мусульманские надгробия. Лишь одно надгробие повалено — не факт, что людьми, может, от времени. Никаких других намеков на осквернения. И это при том, что азербайджанцы в начале 1990-х разнесли по камешкам старинное армянское кладбище в Шуше. Больше всего меня впечатлила табличка на двух металлических ножках — герб НКР, надпись на армянском и английском о том, что Верхняя мечеть находится под охраной государства.

Пройдя через руины и заброшки «старого города» (на дверях некоторых заброшек надписи «занято» или «дом занят»), я добрался до Нижней мечети. Тут все было гораздо проще. Хотя присутствовала такая же табличка, что «объект охраняется государством», отсутствовали железные решетки. Скинув свой походный рюкзак в пыльном углу мечети, я полез на минарет. Маковка его была деревянная. По отсутствию следов на снегу было ясно, что, кроме меня, сюда еще никто не забирался. Маковку соседнего минарета (их всего два) разобрали, видимо, на дрова — на фотографиях десятилетней давности она была в целом состоянии. Внизу идеально круглые купола мечети. Между ними уже проросли дикие кустарники, кирпичи, из которых сложены купола, выщербленные, замшелые и, что особенно усиливало ощущение заброшенности, забвения, припорошены снегом. Ниже по склону горы кварталы «старого города»: заброшенные сады, дома с провалившимися крышами, у горизонта волнистые линии сине-белых гор.

В долине под Шушей расположена столица Нагорно-Карабахской Республики — Степанакерт. Шуша находится на высоте 1380 метров над уровнем моря. 11 километров горного серпантина отделяет ее от Степанакерта. Столица НКР расположена на высоте 813 метров над уровнем моря. Тут не было ни единого следа снега. На деревьях уже показались листочки. На клумбах перед резиденцией президента распустились яркие цветы. Ухоженный чистый город с современными вывесками, с новостройками, развитым общественным транспортом, указателями на армянском, русском и английском. Он выглядел на порядок солиднее и зажиточнее, чем любой провинциальный город Армении. Специфическая черта местных многоэтажек — белье сушат на веревках, натянутых между балконами и ближайшими деревьями.

Стоящие друг напротив друга, один над другим Шуша и Степанакерт представляли разительный контраст. Разложившийся труп Шушы с немногочисленными сомнамбулически двигающимися жителями-инфузориями — наряды у них были тусклые, бедные, изношенные. И бодрый, полный жизни, мигающий в ночи тысячами разноцветных огней, разговаривающий десятками тысяч голосов днем Степанакерт.

Центральная улица столицы — Азатамартикнери. На ней располагался двухэтажный особняк Министерства иностранных дел, где я получил аккредитацию журналиста на территории НКР, и Генеральный штаб, откуда вышел капитан Гегама Григорян, чтобы сопроводить меня на передовую. Должность у Гегама — помощник пресс-секретаря Министерства обороны НКР.

Так как других ботинок у меня не было (я надеялся купить походную обувь в Ереване, но не срослось), то на передовую пришлось ехать в моднейших, купленных неделю назад в Москве ботинках. Я полагал, что на передовой грязнее, чем в Шуше, поэтому ботинки цвета светлых джинсов на белой подошве, конечно, не для

таких мест. Оказалось, нет — траншеи и оборонительные сооружения ухожены не меньше улиц Степанакерта. Передовая застыла почти 22 года назад. 12 мая 1994-го вступило в силу соглашение между Азербайджаном и Нагорным Карабахом о перемирии. С тех пор перемирие многократно нарушалось с использованием разных вооружений, однако продолжало формально действовать.

Бетонные либо укрепленные бревнами лабиринты окопов, монолитные железобетонные ячейки наблюдательных постов и стрелковых позиций. В сторону противника — ряды колючей проволоки (заржавевшая колючая проволока и позеленевшие, замшелые деревянные столбы). Чтобы добраться до передовой линии окопов, мы пару километров ехали по дороге-рву. «Раньше ездили к передовой по обычной дороге, — пояснял майор Арарат (если Гегам — офицер штабной, то Арарат — фронтовой, это на его машине мы ехали к линии фронта), — но пару лет назад, во время очередного „обострения“, азеры стали обстреливать наш транспорт. Пришлось копать ров». От рва, как от центрального проспекта, ответвлялись бетонированные окопы — как улицы и переулки. Собаки, хитро установленные мины и примитивная сигнализация из консервных банок (на банках тоже ржавчина) — защита от диверсионных групп противника. С началом перемирия война приобрела характер соревнований диверсантов и снайперов. На Карабахском фронте без позиционных перемен, но с регулярными жертвами. «В последние два-три года обстрелы стали регулярными. Противник кроме стрелкового оружия использует минометы 60-го и 82-го калибров. Эпизодически подключает тяжелую артиллерию», — рассказал мне полковник Тадевосян, командующий силами на том участке передовой, куда мы приехали.

Наблюдательный пост. Через узкие наклонные щели видны насыпи позиций азербайджанцев. До их позиций метров двести. В нейтральной полосе — высокие сухие бурьяны, накренившиеся столбы с сетями колючей проволоки. И мины, десятки, сотни мин, установленных различными способами. «Справа они новый дот оборудуют», — указал майор Арарат. Были различимы автомобильные покрышки, металлические листы и бревна, из которых выложили внешнюю стену дота. Левее наблюдательного поста в нейтральной полосе корпуса танка Т-72 и БТР. Их подбили во время последней танковой атаки азербайджанцев — в начале 1994-го. «Двадцать танков азеры пустили на наши окопы, — рассказывал майор Арарат, говорил он нервно, торопливо, поэтому то и дело в его речи проскакивало армянское слово-паразит „асма“. — Половина осталась на поле, остальные успели отступить. Тогда же ночью мы вытащили технику, которую смогли. Подлатали у себя на ремонтной базе, теперь она служит нам», — у Арарата хорошее лицо, как у офицеров в советских фильмах: умное, аскетичное, загорелое, очень живые и улыбчивые глаза. Я сожалел, что фотографировать его нельзя. Зато можно было фотографировать болотного цвета, неподвижный более 20 лет корпус танка. Он являл собой очень точный памятник этого застарелого, но никак не заканчивающегося конфликта. Мира не получается — азербайджанцы не откажутся от своих претензий на Карабах, армяне не откажутся от своего Карабаха.

Для армян Нагорно-Карабахская Республика — это лишь временный статус Карабаха, до юридического перехода в состав Армении. Они просто пока не могут договориться с Азербайджаном и, что гораздо важнее, с европейскими державами и Россией об этом переходе. Армяне даже готовы отказаться от некоторых районов НКР, отдать их Азербайджану. Азербайджанцы не хотят — требуют весь Карабах. Поэтому армяне вынуждены поддерживать существование не очень-то им нужного формата непризнанной НКР.

У армян и азербайджанцев разные языки, разные религии, они настолько отличаются друг от друга, что им проще продолжить конфликт, чем помириться. Пол-

ноценной войны не получается, потому что за 20 лет противники выстроили линии глубоко эшелонированной обороны. Остается перемирие без конца и края, когда и пострелять можно, и отдохнуть, если боеприпасы закончились.

Через неделю, после того, как я уехал из НКР, 2 апреля произошло очередное «обострение» — на этот раз самое масштабное с 1994 года. В дело пошли танки, крупнокалиберная артиллерия, ракетные установки, вертолеты. Потеряв десятки солдат и офицеров убитыми, через четыре дня интенсивных позиционных боев, армяне и азербайджанцы снова договорились о прекращении огня. Перемирие продолжилось.

### **СЕПАРАТИЗМ СЕПАРАТИЗМА (КОСОВО)**

Летом 1999 года сербская армия ушла из автономного края Косово. Власть в крае перешла к международным силам под эгидой Организации Объединенных Наций (ООН) — формально. Де-факто — к вооруженным формированиям албанцев. Сербское государство проиграло войну за Косово албанским сепаратистам. Из края начался отток неалбанского населения: сербов, черногорцев, горанцев и цыган. Не менее 250 тысяч человек вынуждены были покинуть регион, опасаясь этнических чисток со стороны албанцев.

В первых числах мая 2003-го президент Владимир Путин принял решение, что российский батальон, дислоцированный в крае, необходимо вывести: «ситуация достаточно стабилизировалась». По сути, российские военные были единственными из всего международного миротворческого контингента ООН в Косово, кто занимался защитой сербского населения. Они обеспечивали безопасность в районах, где компактно проживали оставшиеся сербы. В конце июля того же года последние 78 российских офицеров вылетели из Приштины в Москву. Главную роль в регионе, в качестве миротворцев, стали играть военные из НАТО.

Не прошло и года — в крае произошли масштабные погромы сербских поселений и сербских православных церквей — март 2004-го. Албанцы во время погромов использовали стрелковое оружие и взрывчатые вещества. В 2008-м вопреки международным договоренностям албанское правительство Косова провозгласило независимость. И тут же новое государство столкнулось с собственным сепаратизмом: оставшиеся в регионе сербы, населяющие самые северные районы (по-сербски — «општини», совокупность этих општин старожилы называют Ибарский Колашин), объявили, что они не признают албанские власти и не подчиняются им. Они хотят жить в составе Сербии. Были созданы собственные органы власти — Скупщина объединенных општин автономного края Косово и Метохия. Скупщина включала в себя также сербские и горанские анклав. Но это номинально. Анклавам проще было согласиться на интеграцию в республику Косово на предварительно оговоренных условиях — ведь вокруг них албанские поселения.

Исторически општини на севере Косова населяли почти исключительно сербы. С лета 1999-го туда переехали тысячи сербов и прочих неалбанцев из других районов края. К 2008-му население Ибарского Колашина составило порядка 70 тысяч жителей. В качестве законодательства там использовали законы и Конституцию Республики Сербия. В действительности эти районы не подчинялись не только албанскому правительству в Приштине, но и сербскому в Белграде — этому препятствовало давление ООН, НАТО и Европейского союза на белградское правительство. Процветала контрабанда — этнические противоречия в данном случае не имели никакого значе-

ния. «Србима заедно с шиптарами овде шварцуют (сербы вместе с албанцами здесь занимаются контрабандой)», — рассказывали мне сербы в северной части Косовской Митровицы, столице непризнающих албанской власти општин. С 1999 года город оказался разделен по этническому принципу: в южной — албанцы, в северной — сербы. Друг от друга их отделяла река Ибар и военные из НАТО, дежурившие на мостах через эту реку. Если граница Косова охранялась иностранными миротворцами, то границу општин Ибарского Колашина с областями Центральной Сербии никто не контролировал, не охранял. Албанцы из своих районов через посредников в општинах переправляли наркотики, оружие, сигареты, алкоголь и тому подобные контрабандные грузы дальше в Сербию, оттуда в Европейский союз.

Правительство независимой Республики Косово многократно заявляло, что оно всячески будет поддерживать единство своей территории (границы в соответствии с границами сербского автономного края Косово) и не допустит отделения каких-либо районов. Действующие в сербских општинах власти албанцы называли незаконными. В 2010-м премьер-министр Косова Хашим Тачи рассказал журналистам, что правительство разрабатывает стратегию с целью укрепления территориальной целостности страны. А 2010 год он назвал «годом косовской консолидации».

В июле следующего года албанские власти попытались-таки взять под свой контроль границу сепарирующихся општин с Сербией. Произошли перестрелки — один из бойцов албанских сил специального назначения был убит. Вмешались военные из НАТО — они перекрыли обе автодороги, соединяющие општины с Центральной Сербией. Тогда сербы построили в своих селах и северной части Косовской Митровицы баррикады, чтобы блокировать движение конвоев албанской полиции и натовцев. К концу сентября все општины оцетинились баррикадами. Их пытались сносить натовцы, сербы их защищали — раненые были с обеих сторон.

Проезд из Центральной Сербии в општины был организован через альтернативные автодороги. По одной из таких автодорог в ноябре 2011-го я попал в бунтующие сербские районы. До противостояния она использовалась в качестве лесовозной — возили дрова из дремучих лесов окрестных гор. Найти ее было просто — достаточно было спросить у водителей-дальнобойщиков в Сербии, и они показывали на карте место, где необходимо свернуть. Словно маяк, на нужном повороте стоял пост сербской полиции. Полицейские вяло досматривали проезжающие автомобили: чаще грузовые, чем легковые. Дорога петляла между горами — живописная и неспешная. В конце ноября хозяйственные сербы начали ее асфальтировать и за пару недель половину уже заасфальтировали.

В Косовской Митровице на главном мосту через Ибар сербы построили четырехметровую баррикаду из щебня, бревен и бетонных блоков. На албанской стороне моста стояли два джипа косовской полиции и броневик НАТО (возле него крутились ленивые и веселые итальянские солдаты). Двигатели у машин постоянно работали, их не глушили 24 часа в сутки. С сербской стороны перед баррикадой стоял контейнер, с окнами, жилой. Еще киоск и армейская палатка. В киоске посменно дежурили заведующие охраной баррикады. В палатке — местные жители и добровольцы. Тоже посменно, по восемь часов. В контейнер ходили спать или греться.

Главная проблема косовских сербов в том, что правительство в Белграде гораздо сильнее хотело и по-прежнему хочет интегрироваться в Европейский союз, чем сохранить территориальную целостность страны. Причем неважна партийная принадлежность этих правительств. Либералов сменили центристы с патриотическими речами, но и они, как либералы, готовы выполнять любые условия, лишь бы стать частью ЕС, частью «общеевропейской элиты». Главное условие интеграции — признание независимости Косова. Разумеется, в административных границах авто-

номного края Косово. Поэтому белградское правительство не стало заступаться за бунтующие сербские општини. Но приступило к переговорам с албанским правительством Косово, ЕС и НАТО о стабилизации ситуации. В декабре 2011-го чиновники из Белграда и Приштины договорились, что на северных границах Косова, на двух основных автомагистралях, будут установлены совместные сербско-албанские контрольно-пропускные пункты.

В июне следующего года солдаты НАТО перекрыли альтернативную автодорогу, шедшую в обход КПП «Брняк». Местные сербы устроили беспорядки, пытались вытеснить солдат. Военные стреляли резиновыми пулями, двое сербов были ранены. Белград снова не поддержал бунтовщиков. Белградские чиновники продолжали переговоры с приштинскими, соглашались на новые уступки. В апреле 2013-го договорились, что сербские општини на севере Косова будут интегрированы в Республику Косово. Местные органы власти будут формироваться из сербов, но подчиняться будут албанскому правительству в Приштине. У сербов будет своя полиция, состоящая из сербов, но подчиняющаяся Министерству внутренних дел в Приштине. И самый важный для Белграда пункт в соглашении: Республика Косово в случае выполнения указанных пунктов не будет мешать Сербии интегрироваться в ЕС. Запротестовали уже албанские националисты в Приштине. Они требовали отмены соглашений и силой взять северные општини под контроль. Албанская полиция разгоняла албанских националистов в Приштине, применяя слезоточивый газ. Сербь в Ибарском Колашине тоже не подчинились соглашению и в июле 2013-го организовали новые органы власти — временную Скупщину Косова и Метохии. Председателем избрали местного жителя Славко Стефановича. «Только демократическая и экономически сильная Сербия сможет помочь сербскому народу в Косове и Метохии, но мы не можем принять то, чтобы ценой вступления Сербии в ЕС была потеря территории и насильственная интеграция в институты непризнанного государства», — заявил Стефанович после избрания. В Декларации временной Скупщины Косова и Метохии указывается, что Скупщина является представительским органом граждан Сербии в крае, уважающих Конституцию и законы Сербии. На учредительное заседание не явился ни один представитель белградского правительства.

Баррикада через Ибар простояла до июня 2014-го (она уже обросла травой). Мэр сербской части Косовской Митровицы Горан Ракич принял решение, что она больше не актуальна и ее можно снести. 17 июня на ее месте, поперек моста, поставили кадки с цветами. Ракич пообещал, что в перспективе на мосту создадут «Парк мира». Несколькими месяцами раньше баррикады разобрали в селах општин. Смысла в них уже не было. Косовская полиция больше не пыталась установить контроль в општинах силой (правительство в Приштине должно изображать из себя «цивилизованную и демократичную власть», поэтому от применения силы пришлось отказаться). КПП на автомагистралях в Центральную Сербию функционируют под контролем Белграда и Приштины (сербь разрешают проблемы с сербами, албанцы — с албанцами).

Тем не менее по-прежнему сербы на севере Косова не выполняют договоренностей белградских и приштинских чиновников от 2013 года. У них продолжают действовать свои органы самоуправления. Законы Республики Косово не работают на территории општин. Эпизодически происходят стычки между сербами и албанцами в Косовской Митровице.

Чиновники из ЕС периодически напоминают правительству Сербии, что надо бы выполнить договоренности 2013 года, иначе евроинтеграции не получится. Сербское правительство дежурно обещает их выполнить. В декабре 2015-го официальная делегация из Белграда на встрече с чиновниками из ЕС (обсуждались детали

принятия Сербии в ЕС) в очередной раз подтвердила: выполнение данных соглашений является «неотъемлемой частью в процессе евроинтеграции страны».

На внеочередных выборах в парламент Сербии 24 апреля 2016-го победила Сербская прогрессивная партия. За нее проголосовали 48 % избирателей. Ключевым пунктом предвыборной программы «прогрессистов»: страна должна вступить в ЕС. После оглашения результатов Александр Вучич, действующий премьер-министр и лидер победившей партии, назвал результат выборов «историческим» и подтвердил, что страна должна выполнить условия, необходимые для принятия в Евросоюз. Условия должны быть выполнены к 2020 году.

## **УСТАЛОСТЬ ОТ 26 ЛЕТ (ПРИДНЕСТРОВЬЕ)**

Вместе с кишиневцем Павлом я прогуливаюсь по старинному Армянскому кладбищу Кишинева. Армянским кладбище названо не потому, что здесь хоронили исключительно армян. Оно находится в начале улицы, которую когда-то, во времена царской России, населяли армяне. А на кладбище хоронили и продолжают хоронить людей разной этнической принадлежности. Во времена до Октябрьской революции — всех подряд, даже самоубийц. В независимой Республике Молдова оно стало «самым элитным» в стране. Здесь могилы национальных героев, крупных бизнесменов, заслуженных деятелей культуры и военнослужащих национальной армии, погибших в Приднестровском конфликте.

Мы подходим к надгробию — черный мрамор, портрет молодого человека в военной форме. Это — Зудин Сергей Александрович. Написано по-русски. Был награжден высшей военной наградой Молдавии — орденом Штефана чел Маре (Святого Стефана). Он погиб 19 июня 1992 года. Он воевал против Приднестровья. Ровно напротив могильная плита другого солдата, тоже награжденного орденом Штефана чел Маре — Кулацкий Сергей Богданович. Ему шел 23-й год, когда его убили в бою защитники Приднестровья 20 июня 1992 года.

Город Сороки. Его еще называют «цыганской столицей» Молдавии. Здесь две основные достопримечательности. Первая — цыганский поселок на вершине горы над центром города, где стоят двух- и трехэтажные дворцы (никаких преувеличений — действительно дворцы) цыган. Вторая — круглая гегуэзская крепость на берегу Днестра. Все местные свадьбы обязательно приезжают фотографироваться внутри и на фоне крепости. Девушки в пышных белых платьях, мужчины в черных фраках, торжественно разодетые друзья? подруги и родственники — фотографии командуют ими, кому и куда встать, как и что изобразить. Метрах в ста от крепости воинский мемориал. Портреты и даты жизни 11 местных жителей, погибших в приднестровской войне. Они все воевали на стороне независимой Молдавии. У троих из погибших характерные славянские фамилии. У остальных — молдавские или цыганские.

Славяне в рядах молдавской армии и полиции в боях против Приднестровья были редкостью. По версии приднестровцев, это были в основном люди, заинтересованные в карьере в армии или полиции нового государства, поэтому их национальность для них самих никакого значения не имела. Большая часть силовиков были этническими молдаванами и румынами. Война вдоль Днестра в начале 1990-х — это война националистической, антикоммунистической Молдавии против интернационального, пытавшегося защитить советские ценности Приднестровья.

Конфликт был спровоцирован в августе 1989 года. Тогда Верховный Совет Советской, еще Социалистической Республики Молдавия, националистически настроенные депутаты-молдаване, приняли закон: перевести молдавский язык с кириллицы на латиницу и ограничить использование русского языка. Националисты также заявляли о намерении объединиться с Румынией. В апреле 1990-го в качестве государственного флага был принят румынский с добавлением герба, предложенного местным художником Георге Врание.

Для многонациональной республики, где почти треть населения составляли русские, украинцы и белорусы, проживали значительные общины гагаузов, болгар, евреев и цыган, русский язык был основным языком межнационального общения, одним из символов интернационализма. Покушение на русский было воспринято как покушение на советские ценности вообще. Крупнейшие промышленные предприятия компактно располагались в городах на левом берегу Днестра — в Приднестровье. Рабочие этих предприятий, тот самый пролетариат, стали оплотом борьбы против националистической Молдавии, особенно в городах Дубоссары, Тирасполь, Рыбницы и Бендеры (единственный приднестровский город на правобережье Днестра). 2 сентября 1990-го была провозглашена Приднестровская Молдавская Республика (ПМР) в составе СССР — то есть в качестве 16-й республики Союза.

Кульминацией конфликта стали боевые действия весной—летом 1992 года (Молдавия и ПМР стали уже независимыми государствами). За полтора месяца погибли свыше тысячи человек, ранены 4500 человек. В июне молдавские силы попытались взять штурмом Бендеры. Военная техника, пехотные подразделения и отряды полиции особого назначения (ОПОН) несколько дней накапливались в окрестностях. 19 июня они зашли в город с двух направлений. За пару часов разгромили слабые блокпосты приднестровских ополченцев. В городе осталось несколько очагов сопротивления: типография, здания почты, милиции и Горисполкома, которые защищали местные ополченцы, казаки и добровольцы из России и Украины. К вечеру 20-го числа в Бендеры смогли прорваться подкрепления приднестровских гвардейцев и казаков — почти сутки они с помощью бронетехники выбивали молдаван, блокировавших мост через Днестр и таким образом отрезавших Бендеры от остальной части ПМР. Следующие три дня продолжались уличные бои. Именно в Бендерах погибли два героя Молдавии — Сергей Зудин и Сергей Кулацкий.

Приднестровцы вытеснили подразделения противника на окраины города. В дело вмешалась российская армия: в качестве миротворцев российские солдаты встали между враждующими сторонами. В конце июля 1992 года в Москве между президентом Молдавии Мирчу Снегуром и президентом России Борисом Ельциным в присутствии главы ПМР Игоря Смирнова было подписано соглашение об урегулировании конфликта. Боевые действия с тех пор больше не велись, но политическая напряженность сохраняется.

26 лет спустя после провозглашения Приднестровья его независимость признают лишь Южная Осетия, Абхазия и Нагорный Карабах. Ни одно из государств-членов ООН его не признало.

Сегодня ПМР — это страна школьников и пенсионеров. Из 740 тысяч человек, населявших ее перед войной, в настоящее время, по словам местных жителей, остается не более 350 тысяч. Как уверяют официальные органы ПМР, в непризнанной республике живут полмиллиона человек. Гражданами, может быть, действительно числятся полмиллиона человек, но значительная часть взрослого трудоспособного населения вынуждена уезжать на заработки в ту же Молдавию, в России либо в Евросоюз.

Как государство Приднестровье, безусловно, состоялось. Функционируют все необходимые госорганы, страна способна защищать свой суверенитет, де-факто она яв-

ляется полноценным субъектом международных отношений, партнером, с которым приходится считаться соседним государствам.

Что же касается идеологии — то сегодня в ПМР ее нет. Нет самодостаточной государственной идеологии. Хотя в начале 1990-х, во время вооруженного конфликта против Молдавии, идейный потенциал был очень высок. Республика стала тогда оплотом советских ценностей. Когда в остальных частях бывшего СССР местные власти активно провозглашали отказ от этих ценностей, дискредитировали их и вытравили, ПМР их сохраняла и отстаивала с оружием в руках. Поэтому в республику на Днестре ехали бывшие граждане СССР вне зависимости от этнической принадлежности. Для них было важно, что они советские. И защита русских ценностей на тот момент представлялась как защита советских ценностей. Борьба молдавских националистов против советского прошлого сопровождалась истеричной русофобией. Таким образом, русскость и советскость сплелись воедино по ходу приднестровского конфликта.

Есть довольно известная фотография (она имеется даже в экспозиции Музея армии в Кишиневе): на мосту через Днестр возле Дубоссар стоит бронетранспортер-амфибия под флагом Молдавской ССР и с надписью на борту: «ПМР — оплот интернационализма».

Став в какой-то момент последней республикой СССР, Приднестровье могло бы стать первой республикой нового Советского Союза. Потенциал был, очень мощный. Об этом говорят многие, кто был свидетелем или участником событий 1989—1992 годов.

Решительности не хватило у тогдашнего руководства непризнанной республики — у Игоря Смирнова и его окружения. Они должны были задать вектор дальнейшего движения. Их выбрали жители Приднестровья, у них был заслуженный авторитет, они руководили республикой во время боевых действий. Но тут сыграло свою негативную роль то, что изначально ПМР ориентировалась на Москву. В 1989-м, 1990-м и 1991-м Москва была столицей СССР. В ней приднестровцы видели противовес националистическому Кишиневу. А после того, как Москва, распахав остальные советские республики, сама отказалась от СССР в декабре 1991-го, в ПМР не хватило решимости отцепиться от нее. Надо было провозгласить тогда Тирасполь столицей Советского Союза, нового Советского Союза. Но в ПМР после окончания войны была принята другая официальная доктрина — на объединение с Россией. С той самой Россией, которая занималась борьбой с «советским наследием» не менее активно, чем националистическая Молдавия.

Последующие годы — это становление государства, которому собственная независимость не нужна, не имеет идейного обоснования. ПМР, как бедный отверженный родственник, стоит перед дверями раньше ельцинской, теперь путинской России и ждет, когда ее впустят. Хотя даже кондукторы в троллейбусах Бендер и Тирасполя сегодня понимают: никто вас в России при ее нынешней власти забирать не собирается. Это элементарная вещь.

И все же... 17 сентября 2006-го в ПМР состоялся референдум о присоединении к России. Вопрос был сформулирован так: «Поддерживаете ли вы курс на независимость ПМР и последующее свободное присоединение Приднестровья к Российской Федерации?» 97 % проголосовали «за». Это было при президенте Игоре Смирнове. Сменивший его в 2011-м Евгений Шевчук многократно публично заявлял, что верен итогам референдума. Республике сейчас 26 лет. И она внешне выглядит глупее, чем человек в ее возрасте.

Государственные структуры проповедуют карго-культ России. Если уж Россия не берет к себе, то будем делать то же, что делают там. Поэтому вопреки советским цен-

ностям, за которые убивали и гибли сами защитники Приднестровья в 1992-м, в Бендерах, например, появляются мемориальные таблички на зданиях, которые в 1916-м посещал Николай Второй. В Тирасполе мемориальные таблички установлены на месте разрушенных часовен и церквей с подписями вроде «пострадали в годы советских репрессий». На центральных улицах крупных городов баннеры с изображением российского президента Владимира Путина и символикой «Единой России». Копируются современные российские праздники, борьба с коммунистическим наследием (не слишком громогласно, чтобы не вызывать серьезного раздражения у населения, но достаточно последовательно) и экономические реформы. В итоге от былой советскости в нынешнем ПМР мало что осталось. В плане символики что-то сохраняется. В плане моральных ценностей, воспитания детей, ответственности государства перед гражданами — ничего. Непризнанная республика не соответствует ярлыку, прилепленному ей европейскими и американскими медиа — «Живой музей СССР». Она гораздо больше похожа на бедную и запущенную провинцию современной России.

У приднестровских граждан фантомная боль: они продолжают ощущать себя частью чего-то гораздо большего, чем их узкая полоска земли вдоль великолепно-тихого Днестра. Даже молодежь, выросшая после провозглашения независимости, говорит о каких-то глобальных, соизмеримых с мировой державой проектах. Им тесно в своей непризнанной независимости. Точно так же, как и приднестровской элите, которая хотела бы стать частью российской. И получается, что несколько сотен тысяч человек живут в условиях независимости, которая им самим совершенно не нужна.

### **ЭЛИТА ПРОТИВ НАРОДА (МОЛДАВИЯ)**

В Кишиневе на улице Матеевича есть здание, построенное больше ста лет назад. Оно строилось под учебное заведение, и до революции 1917 года там располагалась Третья мужская гимназия. В 1918-м в его стенах произошло событие, которое не дает покоя нынешней суверенной Молдавии.

В декабре 1917-го была провозглашена Молдавская демократическая республика (позже переименованная в «народную»), ее правящим органом стал Сфатул цэрий (Совет края), сформированный тремя неделями ранее. Заседал Сфатул цэрий в здании бывшей Третьей мужской гимназии. Своей территорией республика объявила всю Бессарабскую губернию бывшей Российской империи, а столицей Кишинев. Местные большевики планировали в будущем присоединить МДР к Советской России. Но большинство членов Сфатул цэрий (они представляли оппозиционные большевикам партии и организации: Молдавскую национальную партию, эсеров, меньшевиков, бундовцев, недовольных большевиками армейских офицеров) были другого мнения. Подчиняться Советской России они не собирались, поэтому позвали на помощь румынские войска.

Во многих работах, критически оценивающих период существования МДР, членов Сфатул цэрий называют «депутаты» (именно в кавычках), потому что они не были избраны ни по технологии европейских парламентов, ни по советской технологии. Состав этого органа определило специально созданное местной националистически настроенной аристократией и помещиками бюро. В итоге, например, национальные меньшинства (не-молдаване), которые составляли половину населения Бессарабской губернии, получили несоразмерную квоту в 25 % мандатов.

Официально ввод иностранных войск оправдывался необходимостью борьбы с бандитизмом и охраной продовольственных складов, чтобы в республике не возник

голод. В январе 1918-го, меньше чем за неделю, румыны разбили большевистские отряды и оккупировали Кишинев. Вместе с румынами на МДР наступали белогвардейские части под командованием генерала Щербачева и гайдамацкие полки украинской Центральной рады.

Но у королевства Румыния были планы намного шире, чем просто оказание помощи соседям. Королевские чиновники проводили переговоры с руководством Сфатул цэрий — в частности, с его председателем И. Инкульцем и премьер-министром МДР (официально этот пост именовался председатель Совета генеральных директоров) Д. Чугуряну — о вхождении республики в состав Румынии на правах автономии. Присоединение, по задумке королевского правительства, должно было происходить не в форме всенародного референдума (что даже по тем временам считалось нормальной процедурой), а лишь в результате голосования «депутатов» Сфатул цэрий. Однако в правящем органе МДР были сильны настроения против присоединения. Многие (сегодня трудно оценить, сколько именно) выступали за суверенный статус в будущем.

Голосование проходило 9 апреля 1918-го при закрытых дверях. Здание бывшей Третьей мужской гимназии по периметру охраняли 250 румынских солдат. На крыльце и крышах этого и соседних зданий были установлены пулеметы. В зал заседания под видом «почетного караула» ввели роту вооруженных румынских солдат. Чтобы добиться необходимого результата, кого-то из членов Сфатул цэрий королевские чиновники запугивали физической расправой, кого-то подкупали, кто-то действительно был идейным румынофилом. Сын генерала Щербачева в своих воспоминаниях впоследствии писал, что на подкуп 47 «депутатов» румынское правительство потратило 7 миллионов лей. Тем не менее из 162 членов Сфатул цэрий за присоединение к Румынии проголосовали 86 человек. 38 воздержались, 3 голосовали «против», 35 предпочли покинуть зал во время голосования. Для принятия решения необходимо было простое большинство. Подавляющая часть населения МДР выступала против присоединения к Румынии. Одно за другим в последующие годы происходили восстания против королевского правительства. Так 10 июля 1918-го префект Сорокского уезда докладывал начальству: «Хотя большинство руководителей волостных земств являются молдаванами, но они пропитаны революционным русским социализмом и превратили эти учреждения в рассадник агитации, стараясь посеять и среди крестьян недоверие к румынской власти». Корреспондент канадской газеты «Toronto Star weekly», не ставший еще всемирно известным писателем Эрнест Хемингуэй писал 15 сентября 1923 года: «...теперь Румыния вынуждена содержать самую большую в Европе постоянную армию, чтобы подавлять восстания своих новоиспеченных румын, которые желают одного — перестать быть румынами». Румынские солдаты относились к молдаванам как к «гражданам второго сорта» — это признавали даже молдавские националисты, заседавшие в парламенте королевства.

В сентябре 1924 года произошло крупное крестьянское восстание на юге Бессарабии (ныне Одесская область). Первым восстало село Татарбунары, его поддержали несколько соседних сел. Повстанцы провозгласили создание советской власти на освобожденной территории. Этнический состав повстанческих отрядов был разнообразен: русские, молдаване, гагаузы, немцы, евреи, украинцы, болгары, то есть все национальности, проживавшие тогда в Бессарабии. Против 6 тысяч восставших королевское правительство направило пехотные, артиллерийские и кавалерийские полки, силы военно-морского флота. Румыны использовали отравляющие газы в борьбе с повстанцами. После трех дней ожесточенных боев половина «татарбунарцев» была убита. В плен попали 500 человек. Их заключили в кишиневской тюрьме

«Кузнечка» — сейчас там расположено СИЗО № 13, сохранились здания и камеры, в которых содержались повстанцы. Судебный процесс по «делу 500» продолжался до 1929-го. В защиту подсудимых публично выступали Максим Горький, Анри Барбюс, Бернард Шоу, Альберт Эйнштейн, Теодор Драйзер, Ромен Роллан, Томас Манн и Луи Арагон. В итоге суд оправдал большинство подсудимых, так как не была доказана их связь с Советским Союзом.

26 июня 1940-го Вячеслав Молотов, советский нарком иностранных дел, передал румынскому послу в Москве Георге Давидеску ноту с требованием вернуть Бессарабию СССР. «В 1918 году Румыния, пользуясь военной слабостью России, насильственно отторгла от Советского Союза (России) часть территории — Бессарабию — и тем нарушила вековое единство Бессарабии, населенной главным образом украинцами, с Украинской Советской Республикой. Советский Союз никогда не мирился с фактом насильственного отторжения Бессарабии... Теперь, когда военная слабость СССР отошла в область прошлого, Советский Союз считает необходимым и своевременным в интересах восстановления справедливости приступить совместно с Румынией к немедленному решению вопроса о возвращении Бессарабии Советскому Союзу».

На следующий день коронный совет Румынии и король Кароль II приняли решение выполнить все требования СССР. Румынские войска добровольно покинули территорию Бессарабии.

Когда в конце 1980-х в советской Молдавии появился националистический Народный фронт, стала муссироваться тема о необходимости объединения с Румынией. Уже после провозглашения независимости, пока страной управляло националистическое правительство, тема объединения была одной из государственных идей. С 2000-го по 2009-й, когда власть принадлежала партии коммунистов, эта тема ушла далеко на задний план.

После массовых антиправительственных беспорядков 7 апреля 2009-го власть в Молдавии захватила коалиция либерал-националистов (обязательным пунктом для них была русофобская и антикоммунистическая риторика). Чиновники самого высокого ранга снова заговорили об «униря» (объединения с Румынией).

Исполнявший обязанности президента с сентября 2009-го по декабрь 2010-го, лидер Либеральной партии Михай Гимпу — один из самых яростных сторонников «униря». На всех выборах (парламентских и президентских) объединение с Румынией он ставит главным пунктом своей программы. О том, какова его поддержка в молдавском обществе, можно судить по результатам президентских выборов, прошедших 30 октября 2016-го. Гимпу получил 1,8 % голосов. Если выразаться конкретнее — за него проголосовали 25 490 граждан из почти трех миллионов. Партии и политики, представляющие либерально-националистические силы, обычно на выборах, если они рассчитывают на серьезную поддержку избирателей, тему «униря» оставляют в стороне, не акцентируют на ней внимание. Так поступила Майя Санду на тех же президентских выборах—2016. Только после своего поражения (она заняла второе место) она снова публично заговорила, что стратегической целью Молдавии является «воссоединение» с Румынией. Так же повел себя Андрей Нэстасе — он снял свою кандидатуру по ходу предвыборной гонки в пользу Санду. По мнению Нэстасе, 40—45 % молдаван хотят жить в общем государстве с румынами. Бывший президент Румынии Траян Бэеску во время своего визита в Молдавию в ноябре 2016-го сказал, что 48 % молдаван желают объединения (с его же слов, среди румын этого желают 78 % граждан).

Социологические опросы на тему, сколько граждан Молдавии за «униря», а сколько против, как правило, ангажированы. Жонглирование процентами поддержки —

пропагандистские ходы. Если судить субъективно, то подавляющее число молдаван критически смотрят на перспективу объединения с Румынией. За две недели я объездил почти всю страну и не встретил ни одного человека, кто бы положительно отозвался об объединении. Даже среди активистов либеральных организаций, настроенных на евроинтеграцию. Виктор Шорник, один из них, рассказал мне, что румыны высокомерно относятся к молдаванам. Он знает, о чем говорит: почти каждую неделю ездит в румынский город Яссы, где учится его дочь.

Румыния же с согласия нынешнего молдавского правительства создает на будущее «человеческий капитал» для объединения. Например, привлекает в свои университеты молдавских студентов. В 2016-м таких студентов насчитывалось порядка 20 тысяч. Причем они не платят за учебу. Наоборот, Румыния им платит ежемесячную стипендию в размере 65 евро (средняя зарплата в Молдавии составляет 120 евро). Для молдаван облегчена процедура получения румынского гражданства. Плюс различные медийные и культурные проекты, пропагандирующие «братство румын и молдаван».

Однако до сих пор либерально-националистическое правительство в Кишиневе не решилось на самый главный шаг — провести референдум по объединению. Противники «униря», особенно активны по этой части левые и пророссийские организации, сами призывают провести референдум. «Правительство знает, что народ проголосует против объединения, — рассказывал мне кишиневский журналист и левый активист, в недавнем прошлом политзаключенный Павел Григорчук. — Они могут присоединить нас к румынам только таким же образом, как это сделал в 1918-м Сфатул цэрий».

Примечательно, что политики в Румынии и представители молдавской власти действительно называют 2018 год как дату возможного слияния государств. Правда, в каком это будет происходить формате, они четкого ответа не дают.